И. М. Михайлова

О ПРОБЛЕМАХ ЯЗЫКА И ФОРМЫ В ПЕРЕВОДАХ НИДЕРЛАНДСКОЙ ПОЭЗИИ П. А. КОРСАКОВА (1790–1844)

Статья посвящена русским переводам нидерландской поэзии, выполненным Н. А. Корсаковым, представителем русского романтизма, цензора и пионера российской нидерландистики. Лингвистический анализ переводных текстов выявляет стратегию переводов П. А. Корсакова. Первые свои переводы стихов Вондела он выполнял прозой, позднее – с сохранением размера, но не рифмы. П. А. Корсаков также допускал ошибки в понимании нидерландского текста. Его любимым поэтом был нидерландский поэт-моралист Якоб Катс. При переводе П. А. Корсаков адаптировал его стихи, превращая их в русские басни. Таким образом, в переводческом творчестве П. А. Корсакова выявляется три разные стратегии перевода.

I. Mikhaylova

PROBLEMS OF LANGUAGE AND FORM IN P. KORSAKOV'S TRANSLATIONS OF DUTCH POETRY

The article deals with the Russian translations of the Dutch poetry by P. Korsakov, a representative of the Russian Romanticism, censor and pioneer of the Russian "Dutch studies". The linguistic analysis of his translations shows that his manner of translation changed through the years. His first translations of Vondel's poetry were made in prose, later Korsakov tried to preserve the original metre, but he never preserved the rhyme. He also made some mistakes in understanding the Dutch text. Most of all Korsakov preferred translating Jacob Cats, a Dutch poet-moralist, but Korsakov turned his poems into the form of Russian fables. So one can find three different translation strategies in Korsakov's translations.

В первой половине XIX в. в России наблюдается расцвет «романтического перевода», отличавшегося от предыдущего, «просветительского», значительно бóльшим размахом и бóльшими достижениями (достаточно вспомнить блестящие переводы В. А. Жуковского и Н. И. Гнедича), а также всплеском любопытства к современной литературе других стран[1]. Об особенности русских переводов этого периода пишет Е. Г. Эткинд: «В пушкинское время – первую треть XIX в. – поэты переводили много, но только то, что отвечало вкусу и творческим надобностям каждого из них. Их читатели в большинстве случаев владели основными европейскими языками <...>. Переводя Вольтера, Парни и Шенье, Пушкин и Баратынский не собирались никого просвещать. <...> Переводы были призваны высветить возможности русского поэтического языка, расширить диапазон собственного творчества поэтом и общекультурный контекст русской культуры»[2].

Именно благодаря вовлеченности в переводческий процесс выдающихся литераторов той эпохи, с детства владевших «большими» европейскими языками, мы имеем основание говорить о романтическом переводе как о блестящем периоде в истории русского перевода. Однако нидерландским языком эти литераторы не владели, и потому переводы нидерландской литературы той поры представляют иную картину.

На первых порах сведения о нидерландской литературе, как и о литературах на других «малых языках», черпались через языки-посредники. Первые переводы нидерландской прозы в большинстве случаев также делались через немецкий или французский язык[3]. Лишь один перевод – отрывок из романа Якоба Ван Леннепа «Приемыш» – был сделан прямо с нидерландского языка Василием Ивановичем Берковым – обрусевшим голландцем, жившим в Петербурге, начальником Петербургской гавани[4].

Однако пионером русской нидерландистики по праву считается П. А. Корсаков (1790–1844) – автор трех отдельных исследований по истории голландской литературы: «Очерк голландской литературы, ее начало, ход и нынешнее состояние» (1838), «Иоост фан ден Фондель» (1838), «Иаков Катс. Поэт, мыслитель и муж совета» (1839) и более сотни стихотворных переводов – как северно-нидерландских, так и фламандских поэтов, – собранных в «Опыт нидерландской антологии» (1844)[5]. Как представляется, размах деятельности Корсакова по пропаганде нидерландской литературы в России определялся не только литературной ситуацией той поры и его личными качествами, но также и политической конъюнктурой. Как раз в это время происходит самое тесное за всю историю династическое сближение между Россией и Нидерландами: вскоре после Венского конгресса, в 1816 г., заключается брак между сестрой императора Александра I великой княгиней Анной Павловной и наследником нидерландского престола, будущим королем Нидерландов Вильгельмом II.

Как основоположник отечественной нидерландистики и, несомненно, самая колоритная фигура из всех русских переводчиков нидерландской литературы, русский литератор и цензор, на которого падает отблеск славы переписывавшегося с ним Пушкина (вместе с Пушкиным в Лицее учился младший брат Петра Александровича, рано умерший лицеист Николай Корсаков), П. А. Корсаков привлекал внимание многих исследователей[6]. Однако детального языкового анализа выполненных П. А. Корсаковым переводов до сих пор не производилось.

Для ответа на вопрос о характере выполненных П. А. Корсаковым переводов и печати его личности сравним с оригиналами четыре корсаковских перевода стихов крупных поэтов Золотого века Нидерландов: два перевода из Й. ван ден Вондела (1587–1679), один из П. К. Хоофта (1581–1647) и один из Я. Катса (1577–1660).

В очерк «Иоост фан ден Фондель» П. А. Корсаков включает множество добросовестно выполненных прозаических переводов отрывков их вонделевских драм. Примечательно, что современные нидерландские переводоведы рассматривают эти тексты не как подстрочники, т. е. «недоделки», а как совершенно полноценные, так что указание на них включено в «Библиографию нидерландской литературы на русском языке» В. Схелтьенса[7]. Сам же Корсаков объясняет использование прозы в переводе следующим образом: «В подтверждение этого мнения (т. е. о блистательности поэзии Вондела – ИМ) следовало бы, может быть, передать этот превосходный отрывок теми же звучными стихами, которыми он написан, но мы не смеем отважиться на такой дерзостный подвиг, и прибегнем к смиренной прозе»[8]. Приведем пример такого прозаического перевода (здесь и далее сначала приводится оригинал, затем курсивом дословный перевод, после него опубликованный анализируемый перевод.

<...> Klaris zet voet by voet,
Omarremt Gozewijn, omringt van haeren stoet.
Wie zou 't godvruchtigh hoofd een hair
bezeeren konnen,
Omheint met eenen muur van
godverloofde nonnen,
Gestrengelt arm in arm? O christelijken knoop!
Ick zie de deughden zelfs, Geloof,
en Liefde, en Hoop,
Met haere zusteren, die tegens
Ondeughd strijden
En na den zege staen door kruis en medelijden.
De vyand stond versuft, en deisde
om deze zaeck.
(Vondel. 1973: 276–277)

...Кларисса встает поустойчивее,
Обхватывает руками Хозевейна,
окруженная своей свитой.
Кто решился бы причинить малейший
(«на волосок») вред этой
богобоязненной голове,
обнесенной стеной обрученных с Богом
монахинь,
держащих друг друга под руку?
О христианский узел!
Я вижу сами добродетели,
Веру, Любовь и Надежду,
С их сестрами, сражающимися против Зла
И стоящими за победу собственными
страданиями («крестом») и страданиями
других.
Враг остановился в недоумении,
и отпрянул, увидев такое.

«Окруженная своею свитою, Кларисса обнимает Хозевейна; и чья рука дерзнет оскорбить хоть один волос этой маститой головы, которую окружает стена целомудренных, благочестивых инокинь? Руки их сплелись между собою. Чудная цепь! Мне видятся в ней сами добродетели, Вера, Любовь, Надежда, с целым строем сестер своих, ополчившихся против нечестия, готовых завоевать победу крестом и страданием. Изумленный неприятель остановился и недоумевает, что делать».

(Корсаков. 1838: 175)

Мы видим добросовестно, с хорошим знанием нидерландского языка выполненный перевод. Корсаков использует общелитературный русский язык, без особой

архаизации, произведенные им переводческие трансформации («держащие друг друга под руку» > «руки их сплелись», «О христианский узел!» > «Чудная цепь!») представляются вполне оправданными. Замена прошедшего времени на историческое настоящее в последнем предложении тоже естественна. Примечательно, что наиболее расплывчато переведены слова, связанные с религиозной сферой: godvruchtig, godverloofde, christelijke. В целом же данный перевод, выполненный «смиренной прозой», свидетельствует о великом пиетете переводчика к автору.

Вторым стихотворением для анализа нам послужит знаменитое стихотворение «Умершее дитя», которое еще в середине XX в. учили наизусть многие голландские школьники.

Kinder-lyck

Constantijntje, ‘t zaligh kijntje,
Cherubijntje, van om hoogh,
D’ydelheden, hier beneden,
Uitlacht met een lodderoogh.
Moeder, zeit hy, waarom schreit ghy?
Waarom greit ghy, op mijn lijck?
Boven leef ick, boven zweef ick,
Engeltje van ‘t hemelrijck:
En ick blinck’ er, en ick drincker,
‘t Geen de schincker alles goets
Schenckt de zielen, die daar krielen,
Dertel van veel overvloets.
Leer dan reizen met gepeizen
Naer pallaizen, uit het slick
Dezer werrelt, die zoo dwerrelt.
Eeuwigh gaat voor oogenblick.

Умершее дитя

Константинчик, блаженное дитятя,
Херувимчик, сверху
Суетность того, что здесь внизу,
Высмеивает с шаловливым взором.
Мама, говорит он, почему ты плачешь?
Почему рыдаешь на моем трупе?
Наверху я живу, наверху я парю,
Ангелочек царствия небесного:
И я сверкаю здесь, и я пью
То, что даритель всех благ
Наливает/дарует душам, которых здесь множество,
Резвых от великого изобилия.
Научись же уноситься благочестивыми мыслями
К дворцам, из (дорожной) грязи
Этого мира, который так мельтешит.
Вечное важнее, чем миг.

Из И. фан ден Фонделя

ДЕТСКИЙ ТРУП

Костя! Счастливый малютка
Херувимчик горных мест,
Над величьем нашим дольным
Весело смеешься ты: –
«Маменька! О чем рыдаешь,
Мой оплакивая труп?
Там живу я, там порхаю
Словно ангельчик небес».
«Я сияю, упиваюсь,
Тем, что горний датель благ
Пляшущим от вожделенья
Вереницам душ дарит.
Научись парить душою
В высь чертогов, от сует
Мира грязного, земного:
Вечность – выкупишь – за миг!»
(Корсаков. 1844)

Оригинал и перевод производят на читателя совершенно разное впечатление: насколько светел оригинал, настолько черен перевод. По содержанию допущено только две неточности, в общем, не столь существенные. Во-первых, потерялась изящная игра слов Вондела, основанная на двояком значении глагола schenken: «дарить, даровать» и «наливать». На небе душа младенца пьет, утоляет жажду тем, что ей «наливает» Господь, дарующий все блага. Во-вторых, П. А. Корсаков знает только одно значение выражения gaan voor «стоить, продаваться за...» и потому понимает последнюю строку как «вечное продается за мгновение». Однако в тексте Вондела, несомненно, актуализируется другое значение этого сочетания: «быть более важным».

Но дело в ином. Секрет просветленности оригинала – в его форме, в танцующих,

порхающих рифмах и ритме. В каждой из четырех строф полустрочия первой строки рифмуются между собой и с первым полустрочием второй строки, полустрочия третьей строки рифмуются друг с другом, а конец второй строки рифмуется с концом четвертой. Таким образом, в каждом четверостишии вместо обычных четырех рифмуется по семь слов. Кроме того, в трех строфах (первой, второй и четвертой) рифмы в большинстве своем строятся на одном и том же дифтонге ei / ij / y /ey, чередующемся с близким к нему по звучанию долгом гласном ee, – инструментовка, сквозная для всего стихотворения, создающая ощущение легкого парения, перелетов с места на место. Этот же дифтонг содержится в слове lyk "труп", которое благодаря сонорному "l" звучит куда более красиво и менее мрачно, чем его русский эквивалент. Переводчик же, сохранив размер, полностью пренебрег рифмой и звуковой инструментовкой.

Неудачным представляется использование в переводе слов с ярковыраженной отрицательной коннотацией: «(мира) грязного, земного» – в отличие от оригинала, сочетающего детскую нежность с христианской картиной мироздания: потерялось важнейшее слово ijdelheid «суета (сует)»; непонятно, от какого «вожделенья» пляшут души на небе.

Рассмотрим единственный выполненный П. А. Корсаковым перевод из второго после Вондела крупнейшего нидерландского поэта Золотого века Питера Корнелиса Хоофта. Стихотворение взято из книги ранней эмблематической лирики Хоофта "Emblemata amatoria" («Любовные эмблемы»), написанной поэтом вскоре после поездки в Италию. В примечании к своему переводу П. А. Корсаков пишет: «Знаменитый Дрост Мейденский более других умел согласить вычурный вкус века своего с истиною выражения. В «Эротиде» его, переведенной размером подлинника, старался я по возможности передать дух сего поэта, питомца Италии, в легких и звучных стихах котораго *уменьшительные* пляшут, как резвые фавны!»[9]. Приведем первую строфу:

Schoon Nymphelijn // ach mindje mijn // wat soud ick al versieren /
Om nae mijn wens // dees ledetjens // soo wel ghemaeckt / te cieren?
Het blinkend gout // of perlen sout // ghy voelen ras belasten
Om halsgen soet // dat crael als bloet // daerom niet beter pasten

Прекрасная нимфочка, ах любушка моя, что бы мне придумать,
Чтобы по моему желанию эти «членца» (т. е. ручки и ножки), такие изящные (хорошо созданные), украсить?
Ты бы тотчас почувствовала, как сверкающее золото или жемчужины тяжело висят
На шейке нежной, которой кораллы, подобные крови, не могли бы подойти лучше.

О нимфочки,
Милашечки!
Где наберу нарядцев я,
Чтоб это обточенное
Мне тельце все убрать?
И золотом,
И жемчугом
Все ваши членца унизать,
И шейку снежную облить
Кровинками коралла?
(Корсаков. 1844)

Этот перевод интересен тем, что показывает, как переводчик старался быть предельно точным и передать морфологические особенности оригинала. При этом он допускает ряд ошибок в понимании текста. Так, в 1-й, 2-й строках он заменяет единственное число оригинала множественным, из-за чего стихотворение оказывается обращенным не к одной возлюбленной, а к некоему хороводу нимф. Устарелое редкое значение глагола versieren «выдумать» ему незнакомо; он понимает этот глагол как «украшать», т. е. в его более частотном значении, хотя такое понимание не согласуется с синтаксисом предложения. Стремясь сохранить морфологические особенности оригинала и не ставя перед собой задачу передать рифму, П. А. Корсаков создает перевод отнюдь не «легкий и звучный». Вероятно, переводчик

осознавал это, так как данное стихотворение – единственное во всем «Опыте нидерландской антологии» произведение второго, после Вондела, крупнейшего «кита» Золотого века. Вероятно, Корсаков переводил Хоофта из чувства долга, считая себя обязанным отдать дань знаменитому «дросту Мейденскому», однако сам предпочитал более моралистичных авторов, среди которых первенствовал Якоб Катс.

Остановимся на корсаковском переводе его стихотворения «Oordeelt niet naer het aensien" («Не судите по наружности») из книги эмблематической поэзии «Sinne- en Minnebeelden» («Картины морали и любви»), где каждому изображению дается по три трактовки: 1) любовная, 2) житейская, 3) благочестивая.

OORDEELT NIET NAAR HET AENSIEN

Als iemant comt gereyst en siet de piramiden
Geresen inde lucht, als met den hemel strijden,
Hy denct in sijn gemoet, siet daer een
conincx hof!!
En als hy naerder comt, dan isset enckel stof.
En vest u sinnen niet ontrent de buyte-leden,
Maer weeght in u gemoet de gronden
vande reden,
Wie sich op waen verlaet en oordeelt
na den schijn,
Die timmert in de lucht en wil bedrogen zijn.
(Cats. 1977: 205).

НЕ СУДИТЕ ПО НАРУЖНОСТИ

Если кто-то подъезжает и видит пирамиды,
Поднявшиеся к небу, словно борющиеся
с небесами,
Он думает про себя: смотрите,
вон королевский двор!
А когда он подходит ближе, это
один лишь прах.
Не задерживайте ваше внимание
на внешней стороне,
Но взвешивайте в душе основания разума,
Тот, кто доверяется видимости
и судит по внешнему виду,
Тот плотничает в воздухе и хочет
быть обманутым.

НАРУЖНОСТЬ ОБМАНЧИВА

В песках пустыни пилигрим
Увидел пирамиду.
И думает: «Вот пышный дом царей!
Его верхи свод неба подпирают!»
Глупец не знал того, что прах одних царей
Вмещает пышная гробница-пирамида...
Кто по наружности лишь судит о вещах,
Тот строит дом – на облаках!
(Корсаков. 1844)

В книге Катса данное стихотворение увязано с изображением пирамиды, это последняя, «благочестивая» трактовка сюжета. Название – «Не судите по наружности» – прямая цитата из Евангелия от Иоанна, гл.7, ст.24. Сам Катс точно указывает источник цитаты. Вероятно, Корсаков заменяет библеизм обиходным выражением специально, равно как и все стихотворение в целом он последовательно превращает в бытовую басню.

Главный признак русской басни, формы, наиболее разработанной старшим современником Корсакова И. А. Крыловым, – это ее ритм: неравностопный ямб. Катсовские шестистопные строки Корсаков заменяет то четырехстопными (1-я строка), то трехстопными (2-я и 8-я строка), то пяти- (3-я и 4-я), то шестистопными (строки 5, 6 и 7-я). Он игнорирует парную рифмовку оригинала и рифмует только последние две строки, содержащие «мораль», что еще более приближает перевод к жанру басни. Этой же цели подчинено и изменение характера повествования: если Катс использует формы настоящего времени и описывает аллегорическую ситуацию, как бы типичную, многократно повторяющуюся, то Корсаков, следуя басенному жанру, представляет действие как некогда имевший место отдельный анекдот, типа «Осел увидел соловья» или «Сосед соседа звал откушать».

По смыслу и по образам перевод вполне точен, сомнение вызывают два момента. Во-первых, взаимоотношения между царским дворцом и небом. У Катса дворец «словно борется с небом», т.е. звучит каль-

винистская мысль о враждебности земной роскоши всему божественному (ясно, что в этой борьбе дворец обречен на поражение). У Корсакова, напротив, «верхи» дома царей «свод неба подпирают», т.е. вместо борьбы – поддержка. Думается, Корсаков не обратил внимания на религиозный подтекст второй строчки оригинала и воспринял лишь ту простую мысль, что пирамида очень высока, – тем более, что русское православие относится к земной пышности совершенно иначе, чем кальвинизм. Кроме того, последняя строка оригинала содержит крылатое выражение, восходящее к проповедям Блаженного Августина, in de lucht bouwen, т. е. “строить в воздухе”, которое позднее приобрело вид “kastelen in de lucht bouwen», русское «строить воздушные замки»[10]. В переводе употреблена метафора “строит дом на облаках”, смысл которой прозрачен и близок к тому, что сказано в оригинале, однако такого выражения найти во фразеологических словарях не удается и ассоциаций с отцами церкви оно не вызывает.

Таким образом, в эпоху романтизма (первая половина XIX в.) в переводческом творчестве одного и того же переводчика (П. А. Корсакова, 1790–1844) наблюдается эволюция переводческой стратегии от «нормативно-содержательного соответствия» (в ранних опытах, выполненных «смиренной прозой) к попыткам «полноценного перевода» (в более зрелых работах, где П. А. Корсаков стремится передать художественные особенности оригиналов) и далее к принципам «эстетического соответствия», проявляющимся в подгонке переводов из Якоба Катса под каноны русской басни. Такое стремление «улучшить» нидерландское стихотворение вызвано стремлением переводчика представить нидерландскую поэзию русскому читателю в самом выгодном свете. Если прозаические переводы делались Корсаковым для иллюстрации его очерков о нидерландских поэтах, ради расширения умственного кругозора русских читателей, то адаптированные, русифицированные стихотворные переводы были призваны воздействовать на читателя эмоционально.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Левин Ю. Д.* Русские переводчики XIX века. – Л., 1985; *Гиривенко А. Н.* Из истории русского художественного перевода первой половины XIX века. Эпоха романтизма. – М., 2002.

[2] *Эткинд Е. Г.* Русская переводная поэзия XX века // Мастера поэтического перевода. XX век. – СПб., 1997. – С. 6–41.

[3] См. *Схелтьенс В.* Библиография нидерландской литературы на русском языке. – СПб., 2003.

[4] *Леннеп Я. ван.* Приемыш. Отрывок из голландского исторического романа / Пер. В. Берков // Сын Отечества. – 1836. – Ч. CLXXX. – С. 14–32.

[5] *Корсаков П. А.* Голландская литература: ее начало, ход и нынешнее состояние // Библиотека для чтения. – 1838. – Т. 27. – С. 49–140; *Корсаков П. А.* Иоост фан ден Фондель // Библиотека для чтения. – 1938. – Т. 28. – С. 159–208; *Корсаков П. А.* Иаков Катс. Поэт, мыслитель и муж совета. – СПб., 1839; *Корсаков П. А.* Опыт нидерландской антологии. – СПб., 1844.

[6] *Franje M. P.* A. Korsakov, Nederlandse dichters in vroege Russische vertalingen // Kolokol’cik. – 1994. – N 5. September. – P. 20–24; *Eekman T.* Vader Cats in Rusland // Tijdschrift voor Slavische literatuur. – 1999. – N. 17 (Juli). – P. 55–58; *Осьмакова Н. И.* Корсаков Петр Александрович // Русские писатели 1800–1917 / Ред. П. А. Николаев. – М., 1989. – Т. 3. – С. 88–90; *Файнштейн М. Ш.* П. А. Корсаков: из истории русско-голландских литературных связей // Россия – Голландия: книжные связи XV–XX вв. – СПб., 2000. – С. 306–311.

[7] *Схелтьенс В.* Указ. соч. С. 249–250.

[8] *Корсаков П. А.* Голландская литература... С. 178.

[9] *Корсаков П. А.* Опыт нидерландской антологии. – СПб., 1844.

[10] *Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г.* Большой словарь крылатых слов русского языка. – М., 2000.